

К колокольне можно подъехать на катерке, встать около нее, приложить ладонь к ее древним кирпичам, и если среди них вы почувствуете теплый, ждите скорого счастья – такая примета.

Глядя на это диво дивное – колокольню посреди реки – не знаешь, то ли гордиться золотыми руками русских мастеров, то ли огорчаться из-за нашей безалаберности и непредусмотрительности.

На восьмой день пути в среду утром была Тверь. Письменная история города начинается в середине двенадцатого века, а уже в 1247 году при князе Михаиле – это центр Тверского великого княжества. Это были тяжелые для Руси времена. Смелый и независимый князь Михаил старался защитить свой народ от бесконечных поборов татаро-монгольской орды. В орде же он и был зверски убит в результате наветов и интриг. Позже князь Михаил был причислен к лику святых, и его нетленные мощи хранились в одном из соборов, откуда они в прошлом веке исчезли. Но православные Твери надеются на их чудесное обретение, как уже случалось с мощами русских святых. На высоком берегу сейчас красуется белоснежный храм, воздвигнутый в память Михаила Тверского. А чуть далее – красивая аллея и обелиск в честь современных защитников русской земли.

Русское купечество и в Твери оставило заметный след. Конечно, самый знаменитый из них – Афанасий Никитин, тверской купец, который в семидесятых годах пятнадцатого века совершил удивительное по тем временам путешествие в Персию, Индию, к берегам Африки, в Турцию, опередив Васко да Гама, впервые проложившего морской путь из Европы в Южную Азию. Русский купец оставил путевые записки «Хождение за три моря» – ценный литературно-исторический памятник. В Твери его именем названа набережная и стоит ему памятник. Нам рассказали, что связи Твери с Индией и сейчас живы: существует культурный обмен, обмен студентами. А имя Афанасия Никитина в Индии вовсе не пустой звук.

Вообще же в Твери оставил свой след немало известных людей. Мы увидели здесь памятник баснописцу Крылову, который когда-то начинал здесь службу подканцеляристом. А вот Салтыков-Щедрин какое-то время служил здесь вице-губернатором. Немало здесь и интересных памятников архитектуры: к примеру, путевой дворец Екатерины Великой, построенный местным архитектором, но при участии Казакова.

О современной жизни Твери мало что удалось узнать из непродолжительной экскурсии по городу, но в целом город, его современный облик, жители – все понравилось.

На следующий день была долгая «зеленая» стоянка и отдых в «Сосновом бору», поначалу казалось, совсем не нужные и непредусмотренные. Но эти часы в тишине, в отсутствии ярких впечатлений помогли собраться с мыслями, связать в единую цепь все увиденное, подвести итоги до радостной и шумной встречи с близкими на причале.

ОДИН ДЕНЬ ДЕТСТВА

Рассказ

В доме было натоплено и еще светло. Тата встала на коленки на табуретку – так был виден весь большой стол, где располагались ее бумажные куклы. Очень хотелось есть, но мамы все не было.

Ее полное имя было Татьяна, Татой она называла себя сама, начав говорить, так и закрепилось за ней это домашнее имя, так же звали ее и во дворе и ее единственный друг и однолетка Алик. Другие ребята все были на несколько лет старше и с малышами не водились. А мягкий и ласковый Алик участвовал во всех ее забавах и играх, играл с ней и в куклы и в дочки-матери.

Дома в Москве у нее были настоящие прекрасные игрушки, даже одна заводная, которую откуда-то привез папин друг. Розовый поросенок, стоящий на задних лапах и облаченный во фрак и цилиндр, если его заводили, плавно двигался по столу и водил смычком по скрипке, которую держал в руке. Этого поросенка Тата не нашла среди своих вещей, когда они вернулись из эвакуации. В

одну из принадлежащих им двух смежных комнат в большой коммунальной квартире кого-то на время войны поселили, и этот кто-то хорошо почистил их семейное имущество. Да что это на фоне всех других потерь!

Самые же любимые у Таты были две куклы и плюшевый мишка. Мишку подарили ей на последний перед войной день рождения, и не просто подарили, а вместе со сказкой. Тата с замиранием сердца слушала сказки, сама уже читала и придумывала сказочные концы ко всем услышанным историям. В тот день утром мама подошла к дочкиной кровати и стала рассказывать свой сон. Он был, конечно, удивительной сказкой о прекрасном принце и двух принцессах, которые веселились на балу и с наступлением утра превратились в принцессы - в кукол, а принц - в плюшевого медведя. А еще через некоторое время Тата увидела в углу комнаты сидящих и как бы беседующих двух кукол и между ними плюшевого мишку. Сказка ожила! Девочка в восторге смеялась и что-то кричала, не помня себя от счастья. Родные потом сказали, что кричала она: «Мама, мама, это он, я его узнала!» Ну, как было не любить этого мишку??

Первый день войны сразу все изменил. Мужчины и большие ребята вырыли и обустроили посреди двора два окопа, в них с того дня женщины и дети сидели во время воздушной тревоги. Во двор стали приносить повестки из военкомата. Пришла повестка и отцу Таты, но у него еще было несколько дней до явки в назначенное место, и он решил за это время отвезти семью во Владимир к дальним родственникам.

Эта первая эвакуация и дорога туда оставила в памяти Таты совсем неплохие впечатления. Ей разрешили взять с собой одну куклу, мама с Малышом сели в кабинку с шофером, отец с Татой и еще одна семья - в открытый кузов. И еще в кузове было много маленьких дровишек - чурочек, а к машине была приделана маленькая печка с большой трубой. Шофер накладывал в нее дровишки, они разгорались, машина пыхтела, дымила трубой

и двигалась дальше. Это удивительное движущееся устройство называлось газогенератором.

По дороге все время подвозили голосующих. Среди них был паренек с повесткой из военкомата. Все стали его подбадривать, что мол скоро он уже и вернется. И он тоже храбро сказал: «Через два-три месяца мы их разобьем». И папа Таты тоже согласно кивал головой. В общем, все было не так страшно.

А во Владимире Таточку ждала масса новых впечатлений. Они поселились на окраине города в одноэтажном доме, окруженным большим садом. Вот где было раздолье для детей, все игры Таты и Малыша были на свежем воздухе. Малышу при рождении было дано имя Виктор, но всю свою короткую жизнь он носил это домашнее имя - Малыш.

Дом принадлежал дальней бабушкиной родственнице, женщине набожной, работящей и добросердечной. В доме жила еще одна семья эвакуированных из Москвы и еще две девушки - студентки, все занимали по комнате. А через сени была еще одна комнатка, там жила какая-то из «бывших», польских кровей, строгая, часто сердитая старуха Казимира с громко стучашей клюкой. С ней же жила ее старая служанка - тихая старушка, которая никогда не называла Казимиру по имени, а только почтительно «барыня»: «Барыня чай пьет». Так Тата первый раз встретилась с осколком старой эпохи.

Вечером часто собирались все в большой общей комнате у самовара. Казимира обычно не приходила, ей относили чай в комнату, студентки же всегда были здесь, Тата тоже. Она, как губка, впитывала все услышанное, удивлялась и новым лицам и новым рассуждениям. Старшая из студенток - медичка - всегда очень умно рассуждала о том, у кого какие болезни, а у себя определяла серьезную болезнь сердца. Ее отец, бородатый старик, приехавший откуда-то навестить дочь и с удовольствием сидевший в компании у самовара, на это заметил: «Так ты, дочка, уж чужой век не заедай, замуж тебе не надо, оставайся при нас, на старости лет нас обиживать».

Все было необычно и интересно, а осенью Тата пошла в школу.

Зимой от отца какое-то время не было писем, потом мама страшно испугалась письма, написанного чужой рукой. Оказалось, папа был ранен и не мог сам написать. После госпиталя у него был коротенький отпуск, и он решил за это время отвезти свою семью еще дальше на воссток, в безопасность. Был выбран Киров.

О! Это была совсем другая дорога... Взяли один чемодан самого необходимого. Ехали на разных поездах с пересадками. Один раз всю ночь ждали поезда на вокзале в каком-то городе. Люди спали вповалку на полу. В открытые окна врывался клубами пара морозный воздух. Кажется, Малыш там и простудился. У отца отпуск уже кончался, и он не мог довезти свою семью до места и обустроить. В Кирове из поезда вышла только мать с двумя детьми и чемоданом.

На перроне мать посадила на чемодан Тату и Малыша, не велела вставать и пошла что-то выяснять. А тут поехали с обеих сторон поезда с пыхтящими паровозами, Таточке стало страшно, она спрятала лицо на животе Малыша и заплакала. Мимо проходили красноармейцы, около детей они остановились.

- Где мама?
- Куда-то ушла и все не идет.
- А папа?
- На фронте.

Они погладили детей по голове, успокоили, что мама сейчас придет, и уже побежали к своему составу. Мама, и правда, тут же пришла. Малыша ей пришлось взять на руки, потому что он уже плохо себя чувствовал.

Они пошли в сторону ближайшей улицы, которая называлась очень странно: «Полоса отчуждения». В первом доме, куда они постучались, места не оказалось. В Кирове тогда почти в каждом доме жила семья, а то и две, эвакуированных. Люди выходили из поездов и стучались в двери домов. И как повелось на Руси испокон веков в лихую годину, хозяева открывали двери и пускали при-

шедших на ночлег. Среди приезжающих было много ленинградцев. Зимой их привозили на поезде и, после того как люди выходили, выносили тех, кто доехал, но не дожил, и клали на платформе. Они лежали в ожидании дальнейшего, последнего пути, в своих обычных зимних пальто, как все, только совсем неподвижные. Тате и это пришлось увидеть суровой кировской зимой.

Получив отказ в первом доме, семья отправилась дальше, но через несколько шагов их догнала хозяйка и попросила вернуться к ней. Сказала, что не заснет, что в глазах у нее все будет стоять женщина с ребенком на руках, которую она не пустила в дом. Тетя Нюра (так звали хозяйку) поместила их в маленькой комнатке за печью, где стояла, кажется, единственная в доме кровать. Но вся жизнь у всех проходила в передней комнате за столом напротив печи: здесь ели, делали какую-то работу, писали и читали письма, играли дети. Ночью в этой комнате спали взрослые, тетя Нюра – на печи, остальные – на полатях. Для тех, кто не знает: полати это как верхняя полка в вагоне, но значительно шире, крепко вбитая в стену, из покрашенных досок. Очень удобно: в комнате просторно и спать тепло – далеко от пола, на полатях никогда не дует.

Малыш тяжело болел, у него находили то воспаление легких, то корь. Мама с каждой едой старалась всунуть ему какое-то очень ценное и очень горькое лекарство, и он стал отказываться от еды, наверное, ему все уже казалось горьким. Он очень исхудал, ослаб, и его отвезли в больницу. Там с ним мама и находилась. Тате она оставила еду, но та уже все съела и была голодна.

Надо сказать, что Тата из привередливого в еде до военного ребенка за годы войны превратилась в худенького подростка. Она росла и все время хотела есть, и мечты ее о послевоенном времени часто были связаны с едой. В паек, получаемый мамой в госпитале, обязательно входил кусок заварухи, слегка политый растительным маслом. Заваруха, если кто не знает, готовится так: темная (естественно) мука заваривается крутым кипятком. Когда она застывает, ее можно опрокинуть из миски и резать

ножом. Так вот однажды на завариху всем положили по кусочку топленого, коровьего масла. И это было необыкновенно вкусно! И теперь девочка мечтала, что после войны она всегда будет есть завариху с топленым маслом.

Как-то раз, уже гораздо позже Победы, Тата поделилась с мамой теми своими мечтами. Мама долго смеялась, но не над дочкой, а над собой. А надо сказать, что в те годы мама была молодой и очень красивой женщиной с черными, слегка волнистыми волосами. Носила она то, что сумела с собой прихватить, и это с нее уже сползло и даже кое-где расползлось. Так вот она мечтала, что после войны будет готовить себе завариху (ведь едят же это), а на сбереженные деньги будет покупать себе новые, красивые платья. Бедная мама!

Стемнело. Тетя Нюра зажгла лампочку над столом, сварила немного картошки, дала и Тате, но это не утолило полностью голод, хотя стало легче ждать маму. Тетя Нюра, конечно, необыкновенный человек: ведь поняла же она тоску девочки по игре, по игрушкам. Игрушек, само собой разумеется, в доме не было, сыновья давно выросли и сейчас были на фронте. Но Нюра вытащила из какого-то укромного угла, наверно, дорогой ее сердцу еще дореволюционный календарь с портретами царя, царицы и многочисленных принцев и принцесс в великолепных сказочных нарядах, дала Тате ножницы и разрешила вырезать все, что ей понравится. Так у девочки появилось сразу много бумажных кукол, которые ходили друг к другу в гости, беседовали, ссорились и дружили.

Уже совсем поздно пришла из больницы плачущая мама и сказала, что Малыш умер. Его принесли на другой день и положили в гробик на столе. У мамы сохранился маленький флакончик модных тогда духов «Полет», которые ей пapa подарил перед войной. Она все обрызгивала ими и Малыша, и гробик, и все вокруг. Эти духи больше никогда не появлялись в доме: слишком печальные картины соединились с их ароматом.

Татка, сраженная этим горем, этой первой в ее жизни такой большой потерей, заболела и несколько дней про-

лежала в жару. Убитая горем мать смотрела на дочку и думала: «Если и с Таткой что-нибудь случится, я больше не буду жить ни дня!» Она еще не знала и никто не знал, что в ней уже зарождалась новая жизнь. И уже в конце этого тяжелого года в их комнате будет улыбаться и плакать, и сосать грудь маленькая девочка, которую нарекут Ольгой, но долго будет за ней идти домашнее имя, данное отцом, - Кроха. И будет она, в отличие от темноволосой и темноглазой Татьяны, похожей на мать, белоголовой, с большими голубыми глазами – в отца. И это возродит к счастью их семью.

Но это уже будет в другом доме. Когда мать стала работать в эвакогоспитале, ей дали большую комнату в общежитии. Общежитие находилось на берегу реки Вятки, на Пристанской улице, совсем на другом конце города, в нескольких километрах от их первого дома. С тетей Нюрой виделись редко. Мама иногда навещала ее, когда ходила на кладбище, оно было недалеко от железной дороги. Когда Тата была как-то у тети Нюры в их прежнем доме, ей показалось, что тетя Нюра стала как-то меньше, старше, молчаливее. Мама сказала, что ей пришла похоронка на младшего сына. В те далекие, еще детские годы Тата уже очень хорошо прочувствовала это заклинание: «Лишь бы не было войны!» И в этой семье оно никогда не становилось частушечным слоганом.

На новом месте, казалось, началась новая жизнь. Здесь после рождения Крохи даже отмечали Новый год с красивой пушистой елкой, игрушки делали сами из бумаги и ваты. Правда, была одна настоящая елочная игрушка – маленький золотой шарик из стекла. Он сверкал, как звездочка, напоминая Тате довоенную елку. Спустя еще много-много лет ее внук спросит: «Ба, зачем ты вешаешь этот маленький старый шарик? Вон сколько красивых еще осталось.» Но этот шарик всегда занимал свое почетное ветеранскоe место на елке, как и маленькая ватная снегурочка, подаренная другом Аликом передвойной.

Красивый золотой шарик принес Тате госпитальный повар Герман, худой молчаливый мужчина, живший в

общежитии в соседней комнате. Где он только достал такое сокровище?! Герман был из Ленинграда, как и многие из персонала госпиталя. Его мобилизовали и направили на службу в санитарный поезд. Где в ту зиму была его семья, он не знал; кажется, ее вывезли. С ним вместе в комнате жила рыжеволосая девушка Маруся. Маруся работала в каком-то учреждении, и хотя фронт уже подходил к их городу, их не отпускали с работы, чтобы «не создавать паники». Только когда фашисты были совсем близко, все просто побежали на восток. Побежала и Маруся. Так она осталась в чем была, ничего не зная о судьбе своих родных. Герман приметил ее около своего санитарного поезда, который тоже шел на восток, приютил, обогрел.

Маруся раз очень выручила Тату. Встречать новорожденную они отправились вместе. Тата заказала в госпитале подводу, собрала по маминому списку вещи. Возница-женщина набросала в сани побольше сена, и они поехали к роддому. Но вот незадача: Тата забыла захватить с узлом вещей лежащие поодаль валенки. Пришлось Марусе засунуть ноги в сено, а мама в ее валенках вышла с новорожденной из роддома и дошла до подводы.

Кроха была крупной и очень живой девочкой, наблюдать за ней хотелось часами, но она так энергично сучила ножками и махала ручками, что старшей сестре с большим трудом удавалось ее перепеленать. Появились новые обязанности: например, покупка молока на рынке после школы лежала на Тате. Молоко продавали в теплое время года в бутылках и из них наливали несколько капель на ладонь для пробы, зимой – замороженными кругами в форме миски. На рынок Тату обычно сопровождали одна-две подруги-одноклассницы, которые были авторитетными советчицами в столь важном деле. И все это было ново и интересно.

Бумажные куклы, в которые Тата играла с таким увлечением прежде, отступили перед живой, были заброшены, а потом и вовсе куда-то делись. Здорово изменилась жизнь, особенно еда, когда стали приходить американские продукты. На мясные карточки стали давать не-

большие цилиндрические банки с невообразимо вкусным содержанием. Внутри были тонкие длинные ломтики ветчины, которые просто таяли во рту. Даже банки те, когда кончалось их содержимое, не выбрасывались, а использовались в хозяйстве. Из них умелые даже бидоны клепали. Такая хозяйственная утварь, сделанная из американских консервных банок и сохранившаяся до двадцать первого века, вполне была достойна музея.

Приехавшие в город жили везде, даже на кухнях. Так у одной из одноклассниц Тата всегда видела на кухне высокую худую старуху. Она или тихо сидела в своем углу или что-то перебирала в своих вещах. Сказали, что зовут ее Фекла и что ей пришла похоронка на единственного сына, с которым она жила. Однажды Тата встретила ее на улице: она шла по улице прямо, устремив лицо и глаза вперед, но ничего не видя перед собой. Правильное, строгое, изможденное лицо, черные волнистые с сильной проседью волосы... И Тате вдруг представилась ее мама, какой она могла бы стать лет через тридцать. И болью в сердце отзывалась эта картина: ведь до этого мама не представлялась иначе как вечно молодой и красивой.

Кировская жизнь за годы войны заметно изменилась: по пятикилометровой дороге между вокзалом и городом, которую местные жители всегда преодолевали пешком, пустили троллейбус, работал театр, да и город для Таты город стал совсем родным.

Среди подружек были не только коренные вятчи, но и ленинградки и жительницы других западных городов. Интересно, что потом Тата встретилась с одной из своих подружек и верной спутницей по молочным походам на одном курсе в Московском университете.

Потом был и пионерский галстук, и чтение запоем, и тайное сочинение стихов, и радостное ожидание близкой Победы. Но все это было потом. А в тот вечер зареванная Тата уснула на своем углу кровати, даже забыв, что весь вечер очень хотела есть.